

Людмила АНДРОСОВА
Апрель 2007г.

СЛОВО О МАТЕРИ

СЛОВО О. МАТЕРИ - слово о моей маме, чья жизнь, начавшись в конце 19- ого века, целиком пришлась почти на весь 20-ый век. Это слово о том, что чем бы мы ни занимались, какими бы высокими ни казались нам наши устремления - все самое важное и самое главное находится БЛИЗКО, совсем рядом.



Вершина "Сердце" на фоне Белухи

**Светлой памяти моей мамы
Феофановой Анастасии Ильиничны
в канун столетия со дня ее рождения
ПОСВЯЩАЮ**

Святослав Николаевич Рерих рассказал однажды историю, которая глубоко запала мне в душу. Один молодой человек, стремившийся познать смысл и назначение жизни, сказал своему деду: - Я слышал, что где-то на земле живут просветленные и мудрые люди, я хочу встретить такого человека, я хочу найти его. – Ну что ж,- ответил дед, - дело хорошее, иди и ищи. - И молодой человек отправился на поиски и странствовал по всему свету. Наконец он вернулся домой, дед уже давно умер, и вот однажды, сидя в библиотеке деда, среди книг он увидел конверт, подписанный рукой деда и адресованный одному священнику. И когда молодой человек отдал это письмо священнику, тот сказал ему – Ты странствовал много лет в поисках просветленных людей. Твой дед был одним из них...

Моя мама была одним из таких людей. И мне нужно было тоже странствовать по всему свету, подниматься на вершины, падать, вставать, - чтобы наконец понять, что то, что я искала, находилось совсем рядом. Но ее уже не было. Я не осознавала ни того, как я к ней отношусь, ни того, люблю ли я ее или нет, - просто она всегда была рядом, и я росла и жила под ее защитным крылом. Разве осознаешь свою любовь к воздуху, которым дышишь? Но вот когда его не хватает или он меняется, - тогда приходит то, что называют прозрением.

Моя мама ФЕОФАНОВА Анастасия Ильинична, урожденная Ефанова (в Казахстане выдали паспорт с ошибкой), родилась 11 ноября 1897г. в Орловской губернии, в селе Бургово, Знаменского района. На Оке, как она говорила. Она родилась 18-ым и последним по счету ребенком в бедной крестьянской семье. Самой старшей была сестра Татьяна, которой к тому времени исполнилось 20 лет.

Жили они в доме, в котором была только одна большая комната, и пол в этой комнате был земляной. Как они все там умещались и как спали и на каких полотах, возможно она рассказывала, но я не помню. Помню, она рассказывала, что все они садились за большой стол, посередине которого ставилась миска с супом, и отец строго следил за очередностью и тот, кто нарушал правила, получал по лбу деревянной ложкой. И что в супе только плавали редкие капельки масла. На всю деревню был один самовар, который по очереди обходил все дома и когда, после чая, подметая пол, мама ребенком находила крохотный обломочек сахара на полу, - это была большая радость.

Моя бабушка скончалась в возрасте 55 лет, заразившись свирепствовавшим в ту пору в деревне тифом, прабабушка же дожила до глубокой старости, оставив дом и уйдя в монастырь в г. Большево, заплатив, как мама рассказывала, золотой. Прабабушка взяла с собой в монастырь старшую внучку Татьяну. Татьяна в девичестве в возрасте 17 лет приняла постриг и стала монашкой Романой – с этим именем она вошла в мою жизнь, так ее называла всегда мама.

Мама с трех лет была отдана в приют в город, где соблюдались строжайшие порядки и суровая дисциплина. «Ну, милейшая», такое обращение означало, что девочка провинилась, хотя особо там не наказывали. Привозили туда девочек и из богатых разорившихся семей и тогда, как рассказывала мама, от их нарядных платьицев и туфелек оставались только воспоминания. Но мама по своей природе была очень послушной и ей там нравилось.

В отрочестве бабушка взяла маму к себе в монастырь и отдала в церковно-приходскую школу, где мама получила хорошее по тому времени общее образование и кроме того, выучилась рукодельному ремеслу – вышивке гладью с натуры, и она долго не оставляла это ремесло, оно стало отрадой ее жизни. Я помню в самом раннем детстве я любила забраться под ее казалось мне тогда огромные пальцы, устроиться под ними на полу и смотреть вверх на полотно, сквозь которое мне виделся свет лампы и рука, быстро перебиравшая тонкую иголку – вверх-вниз, вверх-вниз. Здесь был весь мой мир и здесь мне было тепло и уютно.

И еще она в монастыре руководила хором, у нее был хороший музыкальный голос. Я впервые услышала ее голос, когда она пела колыбельную песню моей младшей дочери Василисе, и была поражена его красотой.

Маме нравилось жить в монастыре, она рассказывала о прекрасном саде, полном цветущих роз. И я, видевшая тогда розы только на картинках, воспринимала этот сад как сказку, которая в жизни не бывает. И мое представление о счастье было связано с таким садом, полным цветущих роз. И с тех пор всякий раз, когда я вижу розы, меня охватывает волнующее чувство глубокого счастья, которому я обязана маме. У нее всегда были открытки с розами, она берегла их и неизменно посылала их родственникам и друзьям.

В возрасте 18 лет мама тяжело заболела – это была болезнь кожи, поразившая все тело. Не помогли никакие лекарства, ей становилось все хуже и хуже. Она умирала. И вот однажды ночью перед рассветом она явственно увидела Святого Отца Серафима Саровского, который подошел к ее ложу и окрестил ее, лежащую, широким крестным знаменем с головы до ног. Проснувшись, она рассказала об этом монахиням, был заказан акафест Серафиму Саровскому. Буквально в этот же день в монастырь прибыл военный врач и, осмотрев маму, посоветовал положить ее в ванну с содовой водой. С этого момента она начала выздоравливать.

И с тех пор для меня Серафим Саровский стал не просто Святым, а Святым-Который-Вылечил-Мою-Маму. Когда бы ни случилось мне быть в церкви, я всегда подхожу к его иконе, зажигаю перед ней свечу и благодарю его за исцеление мамы и дарование мне жизни. Я свято храню маленькую старинную икону с изображением Серафима Саровского. Эту иконку привезла мне моя старшая дочь Инга из далекой Рязанской области от сестры моего отца. Эта иконка сейчас всегда со мной. Она висит в уголке моей комнаты, где я пишу эти строки.

Мама всегда говорила, что революция 1917-ого года и наступившая советская власть принесли много хорошего в жизнь бедных. Только досадовала, что однажды собирали подписи – есть Бог или нет, требовали расписаться.

В 20-ых годах 20-ого столетия Поволжье охватил голод. Деревни вымирали. Одна из старших маминых сестер Ксюша уехала в Казахстан и, как рассказывает мама, не знала голода, жили рыбной ловлей. Она приглашала маму, и мама решилась. Нашла работу в г.Петропавловске, работу учителя художественной вышивки.

Тут надо рассказать о моем отце АНДРОСОВЕ Александре Ивановиче. Они были односельчанами, мои будущие отец и мать. В крепкой зажиточной семье Андросовых было пять братьев и одна сестра, тоже Анастасия или тетя Настя, как я ее всегда называла (от нее и иконка Серафима Саровского). Хозяйство у них было большое и хотя все крепко работали, все-таки приходилось нанимать поденных работников. И, случалось, мама ходила к ним на поденную работу.

Отец выучился, получил хорошее образование и стал инженером-строителем.

Во второй половине 20-ых годов началось повальное раскулачивание, коснулось оно и семьи моего отца. Хозяйство было отобрано, глава семейства, мой дед, оказался в тюрьме, дети же его разбежались кто куда. Двое из них Филипп и Алексей осели в Москве (там теперь у нас много родственников, одна из них Тонечка, моя любимая двоюродная сестра, дочь Алексея и мама трагически погибшего Владика, Друга моей осиротевшей после него жизни), тетя Настя уехала с матерью в Рязанскую область, откуда они могли помогать своему отцу, моему деду. Старший брат Василий волею судьбы оказался в г. Петропавловске, где жила моя мама. К нему и приехал мой отец.

Они стали жить вместе гражданским браком – мой отец и мать. В 1934 году родилась дочь Нина, в 1938 году – Светлана, а в 1940 году родилась я, Людмила. Маме ко времени моего появления на свет шел 43-ий год.

Отец начал строить дом, но не успел закончить его. Он был тяжело болен туберкулезом и умер в возрасте 40 лет, оставив маму с тремя малыми детьми на руках. Мне исполнилось к этому времени один год. Умирая, отец попросил братьев Василия и Николая позаботиться о детях – это, как рассказывала мама, было его последними словами. Дядя Коля жил тогда в Семипалатинске, одном из городов Казахстана, занимал крупную должность директора кожевенного комбината. Он взял на воспитание мою старшую сестру Нину, в этой семье она и выросла – вместе со своим двоюродным братом Борисом, сыном дяди Коли.

С нами жила тетка Романа, старшая мамина сестра. Мы звали ее просто Тетя, (много лет я не подозревала, что имя это не собственное, а нарицательное). После разгрома монастыря, отсидев в тюрьме за монашество, она разыскала маму и стала жить вместе с нею и моим отцом. Тетка Романа рассказывала об одном удивительном случае из ее монастырской жизни. Она была келейницей в келье ее бабушки и имела послушание - работала конюхом. Однажды случилось - кони вдруг сорвались и мощным галопом понесли ее вниз к реке. Она неминуемо должна была разбиться. Собрав всю свою волю, всю свою веру, она воскликнула что было силы - Николай Угодник! Останови

лошадей! - И, о чудо! кони встали как вкопанные, только пена полилась из их рта. Она ему молилась каждый день и вообще все свое время проводила в молитве.

Тетка Романа была очень властным человеком. Нас, меня и мою сестру Светлану, она не жаловала, если не сказать просто не любила. Как могла, она помогала маме, помню, мы топили печку коровьим навозом, который она собирала по полям.

Жутко голодное детство – мы ели мерзлую картошку, которую выкапывали из земли. Хлеб и сахар давали по карточкам, я, совсем махонькая, стояла в бесконечной очереди с номером, кем-то написанным на моей руке слюнявым химическим карандашом.

Тетка Романа продолжала соблюдать монашеский устав и истово молилась. Нечего и говорить, что молитвы Отче наш и Богородица вошли в меня вместе с молоком матери, а первая книга, которую я начала читать, было Евангелие. Не было музыки, о существовании которой я не подозревала, никогда не включалось радио, нельзя было и помыслить, чтобы кто-то пришел в гости, тем более кто-то из уличных подружек. Улица, на которой мы жили, никогда не убиралась, помои выносились на ее середину. Да, жутко голодное и жутко вшивое детство.

Из игрушек у меня был только плюшевый петух и пирамидка. Плюшевого петуха я очень любила и однажды когда я, живя в Америке, увидела подобного петуха на выставке, сердце мое сжалось и откликнулось, и я увидела себя из далекого и такого близкого детства. Никаких кукол у меня никогда не было, но с самого раннего детства я мечтала купить, когда вырасту, большую куклу с меня ростом. И я сделала это. И сейчас, когда я пишу эти строки, она сидит на спинке моей кровати, улыбается и снисходительно на меня посматривает.

Иногда мы ходили в гости к дяде Васе, у него водился белый хлеб и мама объясняла, что вот когда война кончится, у нас тоже будет белый хлеб. И я однажды спросила ее – почему у дяди Васи война кончилась, а у нас нет?

Мне было 5 лет, когда мама взяла меня и сестру, и мы из голодного Казахстана поехали к тете Насте в далекую Рязанскую область, где она жила с моей бабушкой и заведовала пасекой в плодово-ягодном

совхозе. Мы прожили там два одни из самых счастливых в моей жизни года. Здесь все для меня было самое первое. Стояла зима, веселая, нарядная, Новый Год. Первая в моей жизни новогодняя елка – на Красной площади, в Москве. Я на плечах своего двоюродного брата Бориса, а на золотой цепи Кот Ученый – все ходит по цепи кругом... А весной у тети Насти - запах цветов, волшебные деревья с нежным бело-розовым цветом и нежным запахом – вишни в цвету... И это мне, которая до того не видела ни единого деревца.

С тех самых пор и по сей день, когда я вижу цветущие деревья, я переживаю глубокое удивление и восторг как тогда, когда я их впервые увидела и онемела от счастья. Так со мной случилось и вчера, когда я здесь увидела цветущую вишню и услышала ее запах, пахнуло оттуда, из далекого детства. И дубовые листья, и желуди – все все впервые! И, конечно, яблоки и пчелы, и мед – все, никогда прежде невиденное, все в изобилии. И пруды, и озера, и яблоневые сады, и рощи, и заросли смородины и малины... Это был удивительный мир полной очарования сказки. Хотя все мы жили в одной барачной комнате с тетей Настей и бабушкой и спали на полу.

И первая учительница... Хоть я была и мала еще для школы, но меня взяли (попробовали бы не взять!). Все четыре класса начальной школы занимались с одним учителем в одной комнате и на самых передних рядах сидели малыши. Я помню, меня часто просили почитать вслух и когда я начинала читать, все ряды замирали – я читала легко и бегло. Мама говорила, что я выучилась читать почти одновременно как выучилась ходить. Тетрадей не было, писали на газетах между строчками. Писали перьевыми ручками, а чернила носили с собой в так называемой непроливашке, но они почему-то всегда проливались.

В нашей деревне школы не было, она была в соседней деревне. Эта деревня называлась просто и откровенно - Вшивка, она находилась в двух километрах от нашей, и несмотря на морозы, порой жестокие, все мы ходили туда пешком и однажды я сильно поморозила руки.

Мама очень гордилась мной и моими успехами в школе. Она много работала - у нее никогда не было выходных дней. Работала она бухгалтером в конторе, а после этой работы до глубокой ночи печатала на машинке и мы, ее дети, ее почти не видели. Когда она приходила, я

уже спала - на стульях, приставив их к сундуку, который служил маме и мне кроватью.



МАМА С МЛАДШЕЙ ДОЧЕРЬЮ ВАСИЛИСОЙ

Школьные годы... Я выпорхнула из отчего дома сразу же по окончании школы, зажав в руке золотую медаль, которая давала мне право поступить в любой ВУЗ страны без экзаменов. И я поехала в далекую Москву, одна, на 16-ом году жизни. И под отчий кров я больше не вернулась... Как мама радовалась каждой моей весточке – а их было так мало!, как терпеливо, ни за что не упрекая, ждала она меня!

Казахстанские голые степи, в которых я родилась, никогда не были созвучны моей душе, но вид каждой церквушки на вершинке какого-нибудь российского надхолмья или в раздольных русских полях вызывал во мне чувство тоски по чему то мною утраченному, забытому. И у меня была мечта – увидеть, почувствовать и прочувствовать те места, где родились мои родители, где мои деды и

прадеды провели свою жизнь. Там еще жил мамин брат дядя Гриша. И сразу после окончания института мы с мамой поехали туда, в Орловскую губернию - почти полвека не видела она этих мест. Помню, дядя Гриша провел нас к небольшому никак не отмеченному холмику – могиле матери, моей бабушки. Мама кинулась к нему, начала кататься и громко причитать – такой я ее никогда не видела и не знала. Так, я знала, делают русские бабы. А еще там была рощица, которая по привычке так и звалась – Андросовская, раньше она принадлежала семье моего деда и там была их усадьба.

А потом начались будни и надо было устраивать свою жизнь на новом месте, латать раны неудавшегося замужества. Мама была со мной – всегда, когда мне было это особенно нужно. Заботилась о детях, ее внуках. И не только моих, но всякий раз, когда Нина или Светлана просили помочь – она с радостью безотказно была там, где в ней была нужда. Она все видела, все понимала, но никогда не вмешивалась ни в чью жизнь, не давала никаких советов, просто ... была. Видимой невидимо. И любила. Ничего не просила взамен. Любила и принимала нас такими какие мы были. Любила нас больше своей жизни. И была единственным человеком, кому мы были нужны.

Когда незадолго до ее ухода я вымолвила – Прости меня, МАМА!, - и горько заплакала, она сказала – Не плачь... Мне больно, когда ты плачешь.... – Это были последние слова этой ее земной жизни. Я пишу эти строки и слезы застилают мне глаза... Мама ушла из жизни 23 октября 1986г. на 89-ом году жизни. Она похоронена на берегу Волги в Тверской земле. С ее уходом я поняла, что никто никогда не будет любить нас так беззаветно и преданно, как наши матери, и что с их уходом другим людям, как бы ни были они нам дороги, в нас нет никакой надобности - в этом нет ничего огорчительного, просто это истина, которую я поняла и приняла...

Из Ташкента, с гор Тянь-Шаня привозила я ей по ранней весне букеты роз – как мама была счастлива раздать их всем своим знакомым! Радость – в отдаче, радость - оттого что другому приятно, радость - сотворить радость другому! Это было лейтмотивом всей ее жизни. Никогда неунывающая, всегда жизнерадостная и спокойная. А как она

любила музыку! Ее любимой песней была - Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат... – А еще - Вечерний Звон...

Какая сила молодости таилась в ней! В 84 года она полюбила молодого парня, который одно время жил у нас. Это была настоящая женская еще никем не востребованная любовь. Он писал стихи, сочинял музыку и играл на гитаре. Играл ей и для нее, не понимая что творит. А она расцвела, жизнь была ключом, вокруг изливались радость и счастье...

В 1982 году наша группа горных туристов взошла на новую вершину, находящуюся в самом сердце горного Алтая рядом с его легендарной Белухой.

Мы назвали эту вершину «Сердце». В записке, которую я написала и оставила на вершине, есть и слова посвящения вершины женщинам, чье пламенное сердце освещает наш жизненный путь. Я думала о матери, составляя эту записку, и именно ей я и посвятила эту вершину. Она знала об этом.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ, ДАЛЕКИЕ И БЛИЗКИЕ!

ДОРОГИЕ ВНУКИ, ПРАВНУКИ И ПРАПРАВНУКИ МОЕЙ МАМЫ!

С далеких берегов Тихого океана - **к вам обращаюсь я сейчас.** Единственно что нас разделяет – это расстояние, волею судьбы мы оказались в разных уголках нашей планеты. В разных странах и на разных материках.

Мои дорогие, вы, наверное, знаете, что в тех местах, где вы и я сейчас находимся, когда-то бушевал огонь – вся земля была покрыта раскаленной расплавленной лавой. Казалось, жизнь невозможна здесь. Но она возникла... Возможно, вы слышали, что потом на тех же самых местах, когда-то была вода. Тысячи тысячи метров глубины покрывали это самое место. А потом соль – сотни метров в глубину, а потом песок...

И места нашего сейчас пребывания поднимались и опускались, поднимались и опускались – опять и опять, снова и снова. Под напором воды и тех же самых порывов ветра, того самого ветра, что

дует сегодня, и той же самой песочной пыли, которую этот ветер носит сейчас...

Настанет время и песок снова покроет эти места, а потом вода, а потом огонь снова и когда-нибудь не станет ничего... Когда-нибудь...

Вы знаете или когда подрастете немного, узнаете, что там, где мы сейчас живем, когда-то жили гигантские пресмыкающиеся, вы возможно видели или увидите находки археологов в музеях. Это все что от них осталось - останки да еще скелеты.

И вы слышали, что в этих самых местах когда-то давным давно жили люди. Мы называем их неандертальцами. Они называли себя Люди-Которые-Живут-Здесь. Как мы называем себя сейчас. Мы раскапываем руины их домов и пытаемся понять - откуда они пришли и куда ушли и почему. Возможно через много много лет другие люди придут и откопают наши руины и будут удивляться тому же - откуда мы пришли и куда мы ушли и почему мы жили так, как мы живем сейчас.

Возможно среди вас есть кто-то, кто носит в себе сейчас новую жизнь, еще не рожденное дитя. Возможно среди вас есть те, кто не будет иметь долгую жизнь или наоборот будет жить очень долго. Где-то там на земле, в далеком или близком месте сейчас живут те, кто будут вашим мужем или женой. Где-то там их дома... их дети... где-то место их ухода из земного бытия, их могилы... где-то... в каком-то месте...

А между Тем временем и Сейчас – потребность есть, спать, согреться, любить и быть любимым. Между Тем временем и Сейчас – добро и зло, радость и скорбь, свет и тьма, изумление чуду...

И, возможно, на своем жизненном пути вы, как и я, встретите мудрого и просветленного человека, который образом жизни своей осветит ваш путь, наделит вас силой и волей к жизни. Только **ищите ближе**.

Мои дорогие, помните и гордитесь тем, что на нашей планете по имени Земля есть вершина Сердце, посвященная вашей прабабушке, моей маме ФЕОФАНОВОЙ Анастасии, которой в этом году исполнилось бы 110 лет. Пройдут годы, пройдут столетия, а вершина Сердце попрежнему будет сиять на нашей планете. Так сияет образ

замечательной женщины, вашей прабабушки - столь же вечен, как
вечна эта планета.

Слышите, ветер поднимается опять... И потоки рек шумят,
продолжают свой путь... Мы - не каменная сухая земля, над которой
дует ветер и по которой бегут реки. Мы – часть той энергии, которая
заставляет ветер изменять направление, а реки – устремляться к морю.
Отсюда, с нашей земли, от нас исходит сияние, и сверкающая голубая
точка во Вселенной – это свет наших сердец...

Только ПРЕБУДЬТЕ И СВЕТИТЕ!

Людмила АНДРОСОВА

август 2007 года